
ПРОБА ПЕРА

ПЕРСПЕКТИВЫ КИТАЙСКОЙ МИГРАЦИИ НА РУССКИЙ ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

А.Б. Семёнов

Кафедра философии и социологии
Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет
пр. Ленина, 27, Комсомольск-на-Амуре, Хабаровский край, Россия, 681013

В статье исследуется роль природно-климатического фактора в процессе миграции жителей Китая на российский Дальний Восток. Итогом исследования является вывод автора о малой привлекательности российского дальневосточного региона для потенциальных китайских мигрантов.

Ключевые слова: Дальний Восток, Китай, климат, демография, миграция, экономика.

Сегодня много пишут о китайской миграции. Широкие слои наших соотечественников видят в китайских мигрантах коварных проводников экспансионистской политики Пекина. Насколько оправданны подобные взгляды? Дальний Восток создает иллюзию своей привлекательности. Но суровые природно-климатические условия региона всегда были главным препятствием на пути массовой миграции. Барьером для потенциальных китайских и даже русских поселенцев были холодные гигантские пространства. Вплоть до второй половины XIX века регион восточней Уральских гор и до побережья Тихого океана заселяли только разрозненные малочисленные и полудикие кочевые народы.

Природно-климатические условия Дальнего Востока считаются экстремальными, малопригодными для проживания и эффективной экономической жизнедеятельности. Начнем с того, что Дальний Восток располагает огромной территорией — 6215,9 тысячи квадратных километров (36,4% территории России). И на этой колоссальной площади проживает всего 4,9% населения России [4]. Это один из немногих экономических районов страны, который располагается в пределах пяти ландшафтно-географических зон — арктических пустынь, тундры, лесотундры, лесной и лесостепной. Одна из многих неблагоприятных особенностей природы Дальнего Востока — сейсмичность. Согласно принятой еще в СССР схеме сейсмического районирования большая часть региона отнесена к зонам с интенсивностью колебания земной коры 5 баллов и выше (по девятибалльной шкале). Восточная часть полуострова Камчатки с городом Петропавловск-Камчатский, острова Курильской гряды, северо-запад Амурской области отнесены к зоне разрушительных землетрясений (более 8 баллов) [28. С. 6]. Преобладание горного рельефа обуславливает труднодоступность многих территорий региона и их транспортную обособленность, усиливаемую ледовым панцирем морей. Поэтому в северных и горных районах формируются изолированные хозяйственные ареалы с дорогостоящими локальными инфраструктурами [28. С. 6].

Здесь отмечается самая большая на земном шаре годовая амплитуда температуры воздуха, которая на подавляющей части территории превышает 40 градусов, а в некоторых местах Якутии и Магаданской области достигает 50—60 градусов и даже больших величин (в европейской части она находится в пределах 20—30 градусов) [28. С. 5—6]. Авторитетный специалист по истории России Р. Пайпс, описывая особенности российского климата, отмечал, что самые холодные районы России лежат не в самых северных, а в самых восточных ее областях: «Верхоянск, в котором зарегистрирована самая низкая в мире температура, находится на той же северной широте, что и Нарвик — незамерзающий норвежский порт» [17. С. 14]. Зимние ветра в регионе не несут влаги, поэтому зимы там малоснежные, что приводит к очень глубокому промерзанию грунтов. Примерно $\frac{2}{3}$ всей территории Дальнего Востока находится в зоне вечной мерзлоты. Южная граница вечной мерзлоты проходит вдоль левого берега Амура почти до Ленинска в ЕАО и Благовещенска в Амурской области. В Приморском крае многолетняя островная мерзлота доходит до 45 градусов [24. С. 124—126]. От вечной мерзлоты свободно не более одной десятой части территории Дальневосточного экономического района.

Дальний Восток России обладает значительными природными ресурсами [28. С. 7—15; 2]. Однако, рассматривая природное богатство Дальнего Востока России, следует иметь в виду один нюанс, что в силу географического положения разработка указанных ресурсов сопряжена с более высокими материальными затратами, чем в подавляющем большинстве стран мира. Из-за громадной протяженности территории общие издержки на транспортировку сырья более значительны, чем в среднем в мире. Таким образом, конкурентные преимущества, связанные с обеспеченностью народного хозяйства сырьевыми ресурсами, нивелируется их сравнительной дороговизной [1. С. 17]. Даже такой драгоценный металл, как золото, не окупает расходов на свою добычу. Большинство наших месторождений золота требуют больше затрат на разработку, чем стоят запасы. Цена нашего золота на 80—90% определяется энергозатратами [18. С. 62]. Многолетняя мерзлота, крайне низкая температура воздуха зимой и продолжительный морозный период существенно осложняют хозяйственную деятельность на пространствах Дальнего Востока. Они ограничивают строительные и другие работы, ведущиеся на открытом воздухе; вызывают повышенные энергетические затраты на теплоснабжение и материальные — на теплоизоляцию; требуют применения специальных материалов, машин и технологий, приспособленных к экстремальным условиям Севера; ужесточают требования к инфраструктуре и т.д. Согласно еще советским статистическим данным, строительные затраты в среднем по Сибири и Дальнему Востоку в 70—80-х годах XX века превышали аналогичные затраты в европейской части России более чем на 50% [26. С. 112]. В конце 1960-х годов холодные регионы задерживали работу 30% бульдозеров, 35% экскаваторов, 33% подъемных кранов и 64% гусеничных тягачей советского транспортного парка [26. С. 67]. Это было обусловлено тем, что поломки типового оборудования в регионе из-за разрушения и износа происходили в 5—6 раз чаще, чем в более умеренных районах [26. С. 66—67]. Холод убийственно отражается на механизмах. Предельная темпе-

ратура эксплуатации любого стандартного оборудования составляет $-30\text{ }^{\circ}\text{C}$. При температуре от $-35\text{ }^{\circ}\text{C}$ до $-40\text{ }^{\circ}\text{C}$ начинают крошиться легированные оловом механические детали (шарикоподшипники и др.); выходят из строя компрессоры; типовые сорта стали и конструкции разрушаются в массовом порядке. Даже при относительно небольших отрицательных температурах, порядка $-20\text{ }^{\circ}\text{C}$, перестают работать двигатели внутреннего сгорания, разрушаются некоторые детали тяжелой землекопной техники [26. С. 65].

Кроме того, экономические трудности усугубляются тем, что вся территория Дальнего Востока — это зона «пионерного» освоения, со слабо развитой инфраструктурой. На Дальнем Востоке отсутствуют дешевые транспортные пути. В связи с замерзанием, речные и морские коммуникации с октября по май закрыты для судоходства. Автомобильные дороги подвержены быстрому износу и разрушению из-за резких сезонных перепадов температур. Отечественная инфраструктура традиционно не отвечала и до сих пор не отвечает в полной мере потребностям народного хозяйства. В транспортной системе России единственным звеном, которое близко по уровню развития к мировым стандартам, является трубопроводный транспорт. По протяженности магистральных трубопроводов и их плотности Россия занимала в 90-х годах XX века одно из ведущих мест в мире. Другие транспортные коммуникации, прежде всего железнодорожные и автомобильные дороги, имеют недостаточные для территории такой страны, как Россия, протяженность, плотность и пропускную способность; примерно треть из них находится в неудовлетворительном состоянии. Портовое хозяйство на конец 90-х прошлого века справлялось только с половиной подлежащих переработке грузов. Заметная часть транспортных средств подвижного состава, автопарка, морских и речных судов, самолетов выработала свой ресурс и подлежит списанию. По этим причинам производительность труда на транспорте невысока, доставка грузов осуществляется с небольшой по мировым меркам скоростью и обходится достаточно дорого. Транспортные расходы в России на единицу произведенной продукции в 6 раз выше, чем в сопоставимых с ней по размерам территории США [1. С. 20]. Таким образом, освоение Дальнего Востока требует больших капиталовложений, а освоение пространственной инфраструктуры становится выгодным только тогда, когда плотность населения достигает двухсот человек на 1 кв. км. Такой плотности населения в регионе никогда не было, и вряд ли она будет достигнута в дальнейшем. Если материальные потери можно компенсировать, то людские потери в здоровье и жизни трудновосполнимы. Экстремально холодные условия Дальнего Востока убивают людей. В России не велась статистика прямых человеческих потерь от холода, но в нашем распоряжении имеются данные по США: там было подсчитано, что понижение температуры на один градус дает прирост смертности в 16 000 человек. В пропорции к численности населения в России прирост смертности на один градус холода приблизительно составил бы 9000 человек в год [26. С. 63]. Госкомстат приводит цифры естественной смертности на Дальнем Востоке РФ: в 1998 г. соотношение родившихся к умершим составляло 69 466 к 81 128; в 2000 г. соотношение было 66 503 к 90 441 [6. С. 70]. Средне-русские показа-

тели продолжительности жизни в 1998 году были у женщин 72,93 г., у мужчин — 61,3 г., на Дальнем Востоке — 71,23 г. и 59,85 г. соответственно [6. С. 106—114]. Даже в экономически благополучные времена с 1989 по 1990 гг. продолжительность жизни в регионе была 67,9 лет против 69,4 по России. Регион отличается высокими показателями смертности от болезней органов дыхания, системы кровообращения, несчастных случаев, отравлений, травм и т.д. [7].

Холод, неразвитость инфраструктуры, дороговизна проживания и оторванность от «большой земли» никогда не способствовали добровольному переселению людей в этот регион. История интенсивного освоения региона насчитывает около 150 лет. Попытки заселения отдаленной азиатской окраины России с переменным успехом предпринимались и царскими чиновниками, и советской номенклатурой. Но все потуги властей по колонизации заканчивались провалом, люди массами покидали этот чудный край. Все попытки добровольных поселений наткнулись на нежелание людей жить в этих суровых условиях. История знает только один успешный пример заселения этого района. Усилиями тоталитарного сталинского режима в периоды 1926—1939 гг. и 1940—1958 гг. число жителей дальневосточных районов увеличилось на 89,3% [28. С. 189]. Советская статистика умышленно скрывала тот факт, что беспрецедентный рост населения в этом негостеприимном регионе обеспечивало насильственное перемещение на Дальний Восток масс заключенных. Концентрационные лагеря системы ГУЛАГа с численностью, превышающей 3000—5000 человек, классифицировались статистикой тех лет как города [26. С. 104]. Аналитики посчитали, что к 70-м годам XX в. доставка одного мигранта на Дальний Восток, включая соответствующую инфраструктуру, обеспечивающую его проживание, обходилась государству в 18000 рублей, тогда как один новый работник в европейской части РСФСР обходился в 5000—7000 рублей. Стоимость проживания рабочих была на 35—50% выше, чем в какой-либо другой части России [26. С. 112].

Несмотря на все усилия Советской власти, к концу 80-х годов XX века общее число жителей, проживающих в данной местности с рождения, составляло только треть от всей численности населения региона; более половины жителей проживало там менее 30 лет [28. С. 189]. По другой информации, по состоянию на 1985 г. процент коренных дальневосточников был всего 6—7% от общего числа жителей региона [3. С. 47]. Отсутствие значительной прослойки коренного населения привело к тому, что после развала СССР покинуть регион собиралось от 60 до 85% жителей [3. С. 49].

Выступая в 2002 году с докладом «О социально-экономическом развитии Дальнего Востока и Забайкалья» экс-губернатор Хабаровского края В.И. Ишаев подвел промежуточный итог демографического процесса: «К началу 2002 года Дальний Восток потерял по сравнению с 1991 годом 1 млн 227 тыс. человек, или 12% постоянного населения» [24. С. 360]. Аналитическая записка Федеральной службы государственной статистики свидетельствует, что за несколько первых лет XXI века Дальний Восток и Сибирь стабильно теряли население за счет его миграции в другие регионы РФ. Восточные регионы стали абсолютными донорами.

За 2003—2009 годы Сибирь и Дальний Восток потеряли 350 тыс. чел. Почти 70% общего сокращения населения Дальневосточного федерального округа и 40% Сибирского федерального округа пришлось за счет миграции людей [25].

На фоне демографической пропасти и упадка многие руководители субъектов Дальневосточного федерального округа (ДФО) стали говорить о своих амбициозных планах по повышению численности населения в регионе. Полпред президента в ДФО Камиль Исхаков в 2007 г. предложил переселить на Дальний Восток часть от 15 миллионов соотечественников, проживающих за рубежом. Губернатор Приморского Края С. Дарькин в январе 2007 г. в ходе доклада президенту В. Путину рассказал ему о проекте повышения численности горожан Владивостока до 3,5 млн человек к 2020 году. Губернатор Амурской области летом того же года заявил о плане доведения численности населения области до 1 млн человек к 2009 году, а в перспективе до 5 миллионов [23. С. 59]. Неясно, чем руководствовались чиновники, называя такие фантастические цифры. Их заявления прямо противоречили данным статистики. Ежегодно край покидали тысячи людей. Так что оптимизм чиновников на привлечение сюда соотечественников из-за рубежа или из других регионов кажется нам беспочвенным. На Дальнем Востоке легче встретить инопланетян, чем людей, добровольно переселяющихся туда на постоянное место жительства. Может именно поэтому редкие случаи переезда туда мигрантов из других стран и регионов удостаиваются сильной шумихи в СМИ. Именно такой случай произошел в конце февраля 2011 года. По новостным лентам всех крупных региональных и федеральных информационных агентств пролетела сенсационная новость: «...в Приморский край из самой Боливии на постоянное место жительства прибыло аж 23 русских старообрядца» [27; 13].

Зададимся вопросом, если Дальний Восток оказался непривлекательным для русских, то чем он является привлекательным для китайских мигрантов? Исторически китайская миграция тяготела не на холодный север, а на теплый и богатый юг. Со времен императора Цинь Шихуана и до наших дней Китай отгораживался от севера в военном плане — Великой Китайской стеной, Валом Чингисхана, укрепленными районами Пекинского оборонительного рубежа. На юг же китайцы продвигаются давно и неуклонно [5. С. 181]. Даже стрелка компаса показывает у них на юг, а не на север, как у нас. Известно, что китайская колонизация Юга началась в I веке до н.э., однако ее масштаб, динамику и ход можно достаточно ясно представить лишь со времени проведения регулярных переписей населения. Первая перепись населения (2 г. н.э.) показала, что на Юге проживала примерно пятая часть 58 миллионного населения страны. К моменту переписи 140 г. произошли существенные изменения в территориальном расселении. Общая численность населения уменьшилась на 8—9 млн человек, причем население Северо-Запада сократилось на 6,5 млн, Северо-Востока — на 11 млн; население Юга, напротив, увеличилось на 9 млн, или почти в два с половиной раза — в основном, в результате миграции северян, а не собственного воспроизводства [12. С. 39]. Как полагает В. Малявин, процесс колонизации центральных районов Юга в основном завершился к середине V века. В эти века имели место массовые переселения севе-

рян на Юг, причем масштабы миграции намного превосходили предшествующие [12. С. 150—154]. Движение на Юг продолжалось всю дальнейшую историю страны. К первой трети XX в. ежегодно полмиллиона китайцев покидало страну. Большая часть мигрировала в Юго-Восточную Азию [12. С. 182].

Если колонизация Юга имеет тысячелетнюю историю, то колонизация Севера началась относительно недавно. В 1878 г. был снят запрет на переселение китайцев из центральных провинций в императорский домен — Маньчжурию. В 1880 г. правительство разрешило осваивать новые земли Ганьсу, Нинься и Синьцзян; в 1898 г. началась колонизация Внутренней Монголии. Однако перечисленные мероприятия способствовали росту населения только в Маньчжурии (к которой были присоединены колонизированные области Внутренней Монголии). Там население к началу XX в. выросло с 3 млн до 13 млн человек [12. С. 169]. Заселение китайцами Северо-Восточных провинций было связано со строительством КВЖД, которое немного оживило «великую пустыню», как именовалась самими китайцами большая часть Маньчжурии [14. С. 192]. Владимир Полеванов, экс-губернатор Амурской области и бывший вице-премьер Российского правительства, заметил: «После подписания Нерчинского договора Китай почти двести лет не колонизировал северные земли. Как они были незаселенными, так и остались. Хэйлудзянская провинция, граничащая с нашей Амурской областью, до сих пор остается самой малозаселенной. Чего только не предпринимали власти, чтобы разрядить сверхзаселенный юг Китая, переселив часть населения на север. Ничего не получается» [20. С. 6]. Последнее десятилетие показывает, что сильные потоки внутренних мигрантов направлялись на Восток и Юго-Восток в прибрежные провинции. Наиболее мощное движение мигрантов шло в Гуанчжоу, расположенный в непосредственной близости от особых автономных районов Китая — Сянгана и Аомынь. За 2000—2005 гг. чистый миграционный прирост составил там 10,3 миллиона человек (27%). Миграционный прирост Шанхая был более скромным, но тоже значительным: за 2000—2005 годы почти 2,7 миллиона человек (7%) [29].

В распределении плотности населения Северо-Восточной Азии прослеживается закономерность, общая как для России, так и для Китая. Она заключается в том, что как от районов Центрального Китая плотность населения уменьшается к северу и северо-востоку, так и на российской территории она становится все меньше и меньше по мере продвижения с юга на север, к берегам Северного Ледовитого океана. Это хорошо подтверждается цифрами: в провинции Ляонин плотность населения составляла 276,7 человек на кв. км, дальше к северо-востоку в провинции Цзилинь она уменьшается до 136,9 человек, а еще дальше в провинции Хэйлуцзян — до 80,2. На территории России закономерность выражена следующим образом: в Приморском крае плотность населения в среднем 13,5 человек на кв. км, в Хабаровском крае — 2,0 (край далеко вытянут на север, хотя заселен в основном на юге), в Еврейской АО — 5,7, в Амурской области — 2,8, в Якутии — 0,3, на Чукотке — 0,1 [8].

Выезжая за пределы КНР, абсолютное большинство китайских граждан предпочитают либо теплый Юг, либо богатый Запад, но никак не Россию. Китайская

исследовательница Чэнь Сюжун из Института географии и ресурсов АН КНР считает, что за последние 20—30 лет из КНР выехало за рубеж в общей сложности 1,5 миллиона человек. По ее оценкам, 700 тысяч человек выехало в Европу, 500 тысяч — в США, 200 тысяч — в Канаду [21. С. 163]. За это время китайская диаспора выросла практически во всех развитых государствах. Даже в Японии, где очень стойкие националистические настроения, китайская община обогнала по своей численности корейскую диаспору. В 2003 году в стране Восходящего Солнца проживало 462 тыс. китайцев, но уже в 2006 они достигли численности в 561 тыс. человек. По информации на 2005 год, только 20% китайцев были постоянными жителями Японии. С 1990 по 2005 годы 58 тыс. 879 чел. стали ее гражданами. С 2000 года ежегодно более 4 тыс. китайцев получали гражданство и более 11 тыс. получали статус постоянного жителя Японии [11. С. 113—121]. По данным Евростата, число граждан Китая, проживающих в странах Евросоюза и в некоторых других европейских странах, составляет порядка 500 тысяч человек. На начало 2007 года больше всего китайцев проживало в Италии (145 тыс. человек), в Испании (108 тыс. чел.), в Германии (81 тыс. чел.). Объем миграции из Китая в европейские страны в последнее десятилетие составлял около 70 тыс. человек в год. Значительный поток миграции направлялся в Великобританию — до 38 тысяч в 2004 году и 30 тысяч в 2006 году. Примерно по 14 тыс. человек ежегодно прибывали в Испанию, Германию и Италию [29]. На территории США, мирового экономического лидера, в 2005 году проживало 35,7 млн уроженцев других стран. Почти 11 миллионов человек составляли мексиканцы, 4,9 млн человек — европейцы, и только 1,4 млн — уроженцы Китая и Индии. Число нелегалов из Китая за 2000—2005 годы увеличилось с 190 до 230 тысяч человек. Американская статистика говорит о том, что за 2000—2007 годы право на постоянное проживание в США получили 455 тыс. человек, а за 1991—2000 годы — 419 тыс. человек [29].

По сравнению с этими направлениями Российская Федерация — очень скромный реципиент китайских мигрантов. Китайцы стремились уехать в богатые и экономически перспективные страны. По мнению эксперта из Института Восточной Азии Колумбийского университета Элизабет Вишник, Россия в целом является относительно маленьким потребителем экспорта китайских трудовых услуг (менее 3% от общего вывоза рабочей силы из Китая) [22. С. 76]. По разным оценкам, численность китайцев в России мала, их насчитывается около 300—500 тысяч [16]. Вопреки широко распространенному мнению, китайцы, приехавшие в Россию, вовсе не делали настойчивых попыток натурализоваться в РФ. В период с 1994 по 1999 гг. российское гражданство получило всего 450 граждан КНР [9. С. 33]; 40% прибывших в РФ китайцев предпочитают жить и работать в Москве, и только 23% работают на Дальнем Востоке [19]. Полномочный представитель президента в ДФО Виктор Ишаев в 2010 году заявил, что численность граждан КНР на Дальнем Востоке не превышает 30 тыс. человек [10]. Исследования профессора В.Г. Гельбраса доказывают, что большинство китайцев прибывали и прибывают на Дальний Восток лишь на время (местные климатические и деловые ус-

ловия кажутся им неблагоприятными) и либо возвращаются в Китай, устроив свои дела в дальневосточных российских регионах, либо перебираются в европейскую часть России и дальше в Европу [15. С. 295].

Таким образом, очевидно, что алармистские настроения части российского общества, связанные с китайской миграционной экспансией на российский Дальний Восток, лишены веских оснований. Китайская эмиграция на всем протяжении истории была направлена на экономически развитый Юг, а затем на экономически развитый Запад. В силу экстремальных природно-климатических условий и обусловленных ими чрезмерных экономических издержках дальневосточный регион России является малопривлекательным для потенциальных мигрантов. Даже те немногие китайцы, которые прибывают в Российскую Федерацию, предпочитают уезжать в Москву и другие западные регионы, а не оставаться на Дальнем Востоке. На наш взгляд, указанная тенденция сохранится и в будущем.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Актуальные проблемы внешнеэкономической стратегии России. — М.: Наука, 2003.
- [2] Алмазы // Информационно Аналитический центр Минерал. URL: <http://www.mineral.ru/Facts/russia/131/278/index.html>,
- [3] *Бляхер Л.Е.* Потребность в национализме, или национальное самосознание на Дальнем Востоке России // *Полис*. — 2004. — № 3. — С. 44—54.
- [4] Дальневосточный Федеральный Округ. Официальный сайт полномочного представителя Президента Российской Федерации. URL: <http://www.dfo.gov.ru/index.php?id=25>
- [5] *Деятов А.* Китайский прорыв и уроки для России. — М.: Вече, 2002.
- [6] Демографический ежегодник России: Стат. сб. / Госкомстат России. — М., 2001.
- [7] Демография // Межрегиональная Ассоциация Экономического Взаимодействия Субъектов Российской Федерации «Дальний Восток и Забайкалье». URL: http://www.assoc.fareast.ru/fe.nsf/pages/gen_demogr.htm
- [8] *Дудченко Г.* Китай и Дальний Восток России: к вопросу о демографическом дисбалансе // *Демоскоп*. — № 165—166. — 2004, 16—19 апреля. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2004/0165/analit06.php>
- [9] *Жмырёв Л.* Миграционная политика России: контуры проявляются // *Российская Федерация сегодня*. — 2002. — 17 сен. — С. 32—34.
- [10] Китайцам нельзя отдавать пахотные земли в аренду // *ДЕЙТА.RU*. URL: http://deita.ru/society/dalnij-vostok_26.07.2010_153095_kitajtsam-nelzja-otdatvat-pakhotnye-zemli-v-arendu.html
- [11] *Ковригин Н.А.* Китайская миграция в Японию: история и современность // *Россия и АТР*. — 2009. — № 4.
- [12] *Кульпин-Губайдулин Э.С.* Восток: Природа—технологии—ментальность на Дальнем Востоке. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.
- [13] *Латыпов Д.* Из Южной Америки на ПМЖ в приморскую тайгу // *Свободная Пресса*. — 2011. — 24 февр. URL: <http://svpressa.ru/society/article/39489>
- [14] *Леденёв М.И.* Почему Россия петь перестала. — Хабаровск, 2003.
- [15] *Лукин А.В.* Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII—XXI веках Лукин. — М.: АСТ; Восток—Запад, 2007.
- [16] О расширении обменов между Китаем и России в юридической области (2002/06/26) // Посольство иностранных дел КНР в России. URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/zegx/qtwl/t69733.htm>
- [17] *Пайнс Р.* Россия при старом режиме. — М.: Захаров, 2004.

- [18] *Паршев А.П.* Почему Россия не Америка. Книга для тех, кто остается здесь. — М.: Крымский мост-9Д, 2003.
- [19] По числу официальных трудовых мигрантов в России лидирует Китай // GZT.RU 05.06.2007. URL: <http://www.gzt.ru/topnews/society/-po-chislu-ofitsialjnyh-trudovyh-migrantov-v-/116946.html>
- [20] *Полеванов В., Сдобняков В.* Чего нам ждать от Китая? // Природа и Человек (Свет). — 2009. — № 5. — С. 2—7.
- [21] *Портяков В.* На конференции в Дании по проблемам зарубежных китайцев // Проблемы Дальнего Востока. — 2004. — № 4. — С. 163—165.
- [22] *Портяков В.О.* Международных конференциях по этническим проблемам Азии // Проблемы Дальнего Востока. — 2005. — № 1. — С. 172—176.
- [23] *Просвирнов С.Ю.* Демографический потенциал дальневосточного региона // Россия и АТР. — 2009. — № 1. — С. 59—66.
- [24] *Салин Ю.С.* История экономики Дальнего Востока. — Хабаровск: Изд-во Хабаровского гос. техн. ун-та, 2004.
- [25] Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru>
- [26] *Хилл Ф.* Сибирское бремя. Просчеты советского планирования и будущее России. — М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2007.
- [27] Четыре семьи староверов из Боливии вернулись в Приморье. URL: <http://dv.rian.ru/society/20110225/81977349.html>
- [28] *Чичканов В.П.* Дальний Восток: стратегия экономического развития. — М.: Экономика, 1988.
- [29] *Щербакова Е.* Мировой демографический барометр // Демоскоп. — 2008. — № 347—348. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2008/0347/barom02.php>

PERSPECTIVES OF CHINESE MIGRATION TO THE RUSSIAN FAR EAST

A.B. Semenov

Philosophy and Sociology Chair

Komsomolsk-na-Amure State Technical University

Lenin Ave., 27, Komsomolsk-na-Amure, Habarovsk region, Russia, 681013

The article examines the role of climatic factors in the process of migration of inhabitants of China to the Russian Far East. The outcome of this study is the conclusion of a small attractiveness of the Russian Far East region to potential Chinese migrants.

Key words: the Far East, China, climate, demography, migration, economy.